

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-110-123

УДК: 338.14; 338.054.23

Племенной нарратив в политическом пространстве Сирии

Кузнецов В.А.

Институт востоковедения Российской академии наук (Москва, Россия)

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования и функционирования племенных нарративов в политическом пространстве Сирии. Показывается, как племенной нарратив выстраивается в форме эпического повествования, в рамках которого те или иные политические события обретают особую логику и наделяются новыми смыслами. Племя, осмысляющее политические отношения через призму этого нарратива, особым образом выстраивает коммуникацию с внешними по отношению к нему силами, в том числе и с государством. Проведенное исследование основывается как на открытых источниках, так и на материалах интервью автора с представителями племени хасана, взятых летом и осенью 2021 года. Результаты исследования, как представляется, могут быть полезны для изучения общих проблем трайбализма и отношений племен и государства на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: племя, 'ашира, хасана, Сирия, сирийский конфликт, политический нарратив

Об авторе: КУЗНЕЦОВ Василий Александрович. Кандидат исторических наук. Заведующий Центром арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук. ORCID 0000-0003-3646-4037. Адрес: 107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, 12. cais@ivran.ru.

Введение

Настоящая статья посвящена проблеме функционирования племенного нарратива в политическом пространстве Сирии.

В первой части статьи предлагается общий обзор роли племен в общественно-политической жизни САР¹ и специфики государственной политики в отношении племен. Во второй части реконструируется пять племенных повествований, два из которых записано автором во время общения с представителями племени хасана летом и осенью 2021 года. Три повествования посвящены общей истории хасана, еще в одном, опубликованном в 2011 году Т. Шоелем, приводится конкретный эпизод 1979 года, связанный с конфликтом между хасана и фава'ира. И, наконец, в пятом говорится о событиях в Дер'ба в 2011 году. В последнем разделе статьи делаются выводы,

1 Сирийской Арабской Республики.

показывающие особенности племенного нарратива: роль в нем идей чести, благородства, доминирования, его антиисторичность, характерное для него персонифицированное восприятие политических отношений.

Задача, которая ставится в настоящем исследовании, может быть описана следующим образом: попытаться понять, на каких принципах выстраивается рассказ о политической реальности сирийских племен и, следовательно, коммуникация племен с другими политическими акторами, прежде всего – с государственной властью САР.

Материалы и методы

Методологически статья основывается на подходах, разрабатывавшихся автором в ряде публикаций, посвященных проблемам неомодернизма и возможностям изучения политических процессов при помощи реконструкции нарративов политических акторов (Кузнецов 2020). В самом общем виде эти подходы состоят в следующем. Политический процесс рассматривается в них как коммуникативное взаимодействие (диалог) между акторами, каждый из которых выстраивает свое поведение в соответствии с собственным представлением о политической реальности, выражающемся в нарративной форме. Это, в свою очередь, означает, что представление актора о реальности выстраивается, с одной стороны, логически (и хронологически), а с другой – литературно, посредством тропов. Соответственно, чтобы восстановить логику его поведения, необходимо реконструировать тот нарратив, в рамках которого он действует.

Источниковую базу исследования составили интервью автора с представителями племени хасана летом и осенью 2021 года; одни из них были взяты во время командировки в Сирию и встреч с шейхом Навафом, другие же были проведены удаленно. Кроме того, использовались уже опубликованные другими исследователями материалы племенных преданий.

Результаты исследования

Некоторые вехи племенной политики в Сирии

История племенной политики сирийского государства была довольно подробно исследована рядом авторов (Chatty 2010; Аганин 2018), показавших в своих работах сложную, маятниковую траекторию этих отношений, которые на протяжении всего XX века сохраняли характер, пусть и не всегда равноправного, но диалога между племенами и правительством. Некоторые специалисты обозначают период вплоть до прихода к власти партии Баас как «время шейхов» (заман аш-шуйух) (Schoel 2011, p. 102) – эпоху, когда племенные лидеры играли определяющую роль во внутривнутриполитическом процессе.

Жесткая идеологизированная политика баасистов и насеристов (в период существования ОАР) в 1950–1960 годах сопровождалась давлением на племена, подрывом их социально-экономической базы и политического влияния. Принятый в 1958 году Акт № 166 от 28 сентября лишил их правового статуса, а баасистская конституция продемонстрировала решимость властей в стремлении покончить с трайбализмом, результатом чего среди прочего стала массовая миграция сирийских племен в другие страны, прежде всего в Саудовскую Аравию (Chatty 2010, p. 38). Тем не менее краткосрочность этого курса и некоторая его непоследовательность в контексте общего исторического развития страны не позволили в Сирии делегитимизировать племенной нарратив в той же степени, в какой это произошло в некоторых других государствах арабского мира (Египте, Тунисе), где он со временем стал восприниматься как совершенно маргинальный (Bisson 2012, p. 17; Kark, Frantzman 2012, p. 495). Даже в самых сложных условиях в регионе Бадия, занимающем более половины всей территории страны, сохранялись альтернативные, связанные с вождями племен, представления о власти (Chatty 2010, p. 30).

С приходом к власти Хафеза Асада сирийское правительство взяло курс на определенную политическую и правовую автономию племен. Новый глава государства не только способствовал возвращению в страну тех шейхов, что вынуждены были эмигрировать в 1958–1970 годах, но и негласно допускал использование традиционных механизмов арбитража в решении межплеменных конфликтов (Chatty 2010, p. 44). Этот курс, судя по всему, продолжался и при Башаре Асаде, кажется, по крайней мере до начала конфликта, не придававшим племенному фактору значительной роли во внутренней политике.

На протяжении всей истории сирийского парламентаризма племена получали представительство в высшем органе законодательной власти (даже в 1960-е годы). Если в 1943 году к ним принадлежало 7% депутатов (Chatty 2010, p. 47), то после 1982 года они получили 10% мест (Dukhan 2014, p. 6), а также стали играть заметную роль в аппарате безопасности, министерстве внутренних дел и в профильном для них министерстве сельского хозяйства (Dukhan 2014, p. 6). К 2007 году их парламентское представительство достигло 12% (Chatty 2010, p. 47). К 2022 году, согласно данным наших информантов, из 250 депутатов 21 был бедуином (8,5%), что «по проценту гораздо меньше, чем было раньше», причем есть племена, которые не получили представительства, хотя какие-то их члены и проходят в парламент от регионов².

Довольно сложно определить, насколько парламентское представительство соответствует социальной структуре сирийского общества. Ни сегодня, ни десятилетием ранее общая численность племенного населения в Сирии нигде официально не регистрировалась, однако Даун Чатти, ссылаясь на заявления тогдашнего министра здравоохранения, оценивает число бедуинов в 2007 году в 900 000 человек (5,5% населения)

2 Довольно существенен в этом признании не только сам факт племенного представительства, но и то, что близкие к политическому руководству страны информанты легко оперируют подобной статистикой. Кузнецов В.А. Интервью с сирийскими информантами. Январь 2022 года [Kuznetsov V.A. Interview with Syrian informers. January 2022].

(Chatty 2010, p. 47). Другие исследователи также оперируют цифрами в 5–7%, некоторые говорят о 15% племенного населения (Dukhan 2014, p. 14). В то же время возглавляющий ‘ашира хасана шейх Наваф в 2021 году утверждал, что члены племен составляют до 40% населения страны³, некоторые другие источники говорят чуть ли не о 70% населения, относящих себя к различным племенам (Hussain 2018). Последняя цифра представляется чрезвычайно завышенной. Тем не менее, учитывая уровень урбанизации в 51–55% накануне конфликта и последующий взрывной рост численности городского населения (согласно данным UN-Habitat, в 2014 году она достигла 76% (Syria Urban Statistics, 2014)), а также то, что седентеризация и урбанизация далеко не сразу ведут к отказу от племенной идентичности, данные шейха Навафа представляются не совсем фантастическими. Вероятно, можно говорить о 5–10% населения, ведущего племенной образ жизни, и еще о 10–20%, сохраняющих племенную идентичность.

Таким образом, нельзя не согласиться с Х. Духаном, отмечающим (Dukhan 2014, p. 1), что, несмотря на общепринятое восприятие сирийского общества как преимущественно городского (что связано со спецификой государственностроительства (Khoury 1991)), в реальности племенной фактор сохраняет в нем существенное влияние. В особенности это касается конфедераций (каба’ил) ‘аназа и шаммар, широко представленных и в других государствах региона (в Ираке, Саудовской Аравии и др.).

Трансграничные связи племен не только не пресекались, но и поддерживались сирийским правительством как при Хафезе Асаде, так и при Башаре. Саудовское правительство оказывало племенам ‘аназа и политическую (см. далее), и финансовую помощь. Х. Духан упоминает о щедрых подарках, розданных королем Абдаллой бин ‘Абд аль-‘Азизом шейхам ‘аназа во время его визита в Сирию в 2010 году (Dukhan 2014, p. 17). О финансовой поддержке шейхов в доконфликтный период сообщали и наши информанты в Сирии, отмечая при этом, что в последние десять лет эта поддержка была прекращена для тех племен, которые сохранили лояльность Дамаску. Несмотря на то, что это неизбежно вело к росту зависимости шейхов от правительства, у них все же сохранялись и иные источники дохода, связанные прежде всего с нелегальной трансграничной торговлей, контрабандой оружия, а также (вероятно) с переводами от соплеменников, работавших в странах Залива (учитывая отключенность сирийских банков от SWIFT, речь может идти только о ввозе в страну наличных).

Так или иначе, вооруженное противостояние, развернувшееся в Сирии после 2011 года, редко позволяло племенам сохранять нейтралитет. Выбор стороны определялся разными факторами: территорией расселения, историей отношений с Дамаском, степенью зависимости от сирийского или зарубежных правительств и т.д. Несмотря на то, что принято считать, будто большинство сирийских племен встали на сторону оппозиции (Х. Духан даже считает возможным говорить о формировании монархиями Залива «племенного пояса» в противовес шиитскому (Dukhan 2014, p. 16)), в реальности довольно значительная их часть сохраняла лояльность правительству или же оказывалась расколотой.

3 Кузнецов В.А. Интервью с шейхом Навафом. Июль 2021 года [Kuznetsov V.A. Interview with Shaykh Nawaf. July 2021].

Немалую роль здесь играли не только внешние обстоятельства, но и внутриплеменные конфликты. Х. Духан в связи с этим приводит слова одного из представителей оппозиционно настроенного племени хадидин. Объясняя, почему некоторые племена раскололись, он отмечал, что Х. Асад десятилетиями содействовал оттеснению традиционных вождей и поддерживал лояльных ему шейхов, которые были тесно связаны с аппаратом государственной безопасности, однако не пользовались доверием среди рядовых членов племени: «Шейхи, которых режим создал внутри каждого племени, сейчас играют в игру режима, но они опозорили себя и свое племя, и придет время, когда они предстанут перед судом за свои преступления» (Dukhan 2014, p. 17).

При том, что целенаправленность такой политики властей подтверждается и иными источниками, нельзя не заметить, что во многих случаях внутриплеменные конфликты были связаны не со специальными действиями властей, а с процессами седентеризации, в результате которых шейхи превращались в крупных землевладельцев, что естественным образом вело к росту напряженности в их отношениях с рядовыми соплеменниками (Lange 2006).

Племенные предания хасана

В рамках дальнейшего анализа имеет смысл сосредоточиться на одном конкретном случае.

Речь пойдет о племени хасана, принадлежащем к конфедерации 'аназа. Одному из эпизодов в истории этого племени посвящена статья Торстона Шоеля (Schoel 2011), другие же примеры племенного нарратива были почерпнуты нами из общения с шейхом Навафом 'Абд аль-'Азизом летом 2021 года и некоторыми другими хасана осенью того же года.

Как Т. Шоель, так и все информанты начинают свой рассказ о племени с краткой экспозиции его истории и политического устройства.

Вот как представляет ее Т. Шоель. Он отмечает, что племя мигрировало в район Хомса из Северной Аравии в XVII веке, однако потом значительная его часть вернулась в Саудовскую Аравию, поселившись в Эр-Рияде и в Джидде. В период Арабского восстания племя активно поддержало эмира Фейсала и вместе с ним вошло в Дамаск в 1918 году. Однако во время мандата хасана демонстрировали полную лояльность французским властям и уже накануне сирийского конфликта с гордостью показывали Т. Шоелю хранящееся в мадафе⁴ соглашение, заключенное с французами шейхом Традом (Schoel 2011, p. 104).

Несмотря на то, что «время шейхов» кануло в Лету, обитавшие в стратегически важном районе хасана сохраняли существенное влияние на протяжении всего XX – начала XXI века.

На момент написания Т. Шоелем статьи во главе хасана стоял триумвират шейхов, принадлежавших к роду Мильхим: 'Абд аль-'Азиз бин Трад, член парламен-

4 Место племенных собраний и приема гостей.

та, и два его племянника – Мансур и ‘Абд аль-Илах, сыновья брата шейха Тамира, ‘Абд аль-‘Азиза, который возглавлял племя с 1946 по 1998 год. Будучи старшим сыном, лидер саудовской ветви племени ‘Абд аль-Илах носил титул шайх аш-шуйух, Мансур же считался его заместителем в Сирии (Schoel 2011, p. 96).

Один из хасана, рассказывая мне осенью 2021 года про свое племя, презентовал его совершенно иначе, не выходя за рамки принятого племенного нарратива. Он начал с описания генеалогии ‘ашира (племени или рода) хасана, принадлежащих к дана муслим бутн вахб из фахз аль-манабиха, где дана, бутн и фахз обозначают объединения разного уровня. При том, что в русском языке для них нет очевидных терминологических аналогий, А.Р. Аганин предлагает переводить ‘ашира как «род», дана – как «секцию» (Аганин 2018, с. 47), а бутн и фахд – как «линию» и «ветвь» (Аганин 2013, с. 19).

Тем самым хасана являются двоюродными братьями племени ар-раула (или ар-рвала), и подобно тому, как ар-раула в аш-Шам господствуют над всеми родами из батн аль-джилас, они господствуют над всеми родами из батн вахб.

Хасана были первым племенем из конфедерации ‘аназа, переселившимся в Сирию. В результате многочисленных столкновений с различными племенами они сумели занять территорию в районе Хамы и Хомса и на протяжении веков отстаивать права на нее. Рассказчик довольно подробно говорит о битвах хасана с шаммар, ар-раула, аль-фад‘ан, и особенно – с ранее владевшими этими землями аль-мавали, подчеркивая, что почти всегда хасана побеждали своих врагов. Попутно он приводит цитаты из работ европейских путешественников, упоминавших хасана в позитивном ключе.

Заканчивается рассказ обращением к памяти шейха Трада аль-Мульхима, возглавлявшего племя в период мандата. Рассказчик вспоминает о его касыдах, многие из которых были обращены к французскому верховному комиссару Жувенелю, который намеревался разделить Сирию на несколько небольших государств и поставить во главе одного из них – Бадии со столицей в Пальмире – шейха Трада:

Однако шейх Трад категорически отказался от этого предложения. Он отверг [возможность того, чтобы] Сирия не была единым государством со всеми своими регионами и составляющими, и произнес свою известную речь: “Мы не примем разделения нашей страны – единой арабской Сирии на государства, покуда грудной младенец не примет расчленения материнской груди. Великая наша мечта – построить Великую Сирию, а величайшая – чтобы вы ушли от нас”⁵.

При сравнении двух рассказов о племени бросается в глаза несколько моментов.

Европейскому исследователю принципиально важно ввести прошлое хасана в контекст общей истории Сирии, и потому он начинает с того, когда и откуда племя мигрировало в страну, как оно расселилось в современных государствах региона. Однако для представителя самого племени гораздо важнее показать, какое место хасана занимают в генеалогической системе арабских племен. Переселение в Сирию существенно потому, что означало занятие новых территорий, а также потому, что

5 Кузнецов В.А. Интервью с сирийскими информантами. Январь 2022 года [Kuznetsov V.A. Interview with Syrian informers. January 2022].

позволяет подчеркнуть первенство хасана среди всех племен 'аназа. Рассказ о следующих двух сотнях лет ведется таким образом, словно племя существует вовсе в безгосударственной среде – все сводится к отстаиванию земель от притязаний других племен и к доказательству собственной славы и могущества. В этой же связи приводятся и цитаты из путешественников. Так, дело доходит до XX века, когда племя вдруг начинает демонстрировать свой арабский и затем сирийский патриотизм, сначала встав на сторону эмира Файсала (против османов), а затем, в период мандата, оказавшись поборниками сирийской государственности. Здесь два нарратива вступают в прямое противоречие. Если Т. Шоель со ссылками на известные западные источники подчеркивает лояльность хасана французам, то десятью годами позже информант, напротив, подчеркивает неприятие шейхом Традом планов по разделению Сирии.

Наконец, третий рассказ о племени предлагает шейх Наваф.

Как и предыдущие рассказчики, он начинает с описания истории племени, однако представляет ее совершенно по-своему. Его не интересует ни переселение из Северной Аравии, ни войны хасана с другими племенами, о которых он вовсе не упоминает. Он начинает с утверждения, что «хасана выдвинулись во время борьбы с Мухаммедом ибн 'Абд аль-Ваххабом, пытавшимся распространить свою власть на территорию Сирии и Ирака». После этого он тут же переходит к борьбе хасана с османами, их участию в Арабском восстании, и, наконец, к участию в национально-освободительном движении против французов.

Борьба племени против джихадистов в 2010-е годы, о которой говорится в конце, таким образом, становится естественным продолжением той политической линии, которой племя придерживалось на протяжении последних двухсот лет, а сами радикалы становятся современным аналогом ваххабитов и других иностранных захватчиков. Характерно в этом отношении, что тремя основными врагами хасана оказываются французы (по всей видимости, символизирующие Запад как таковой), османы и ваххабиты (но не Аль Сауд, как стоило бы ожидать) – в сущности, те же силы, которым Дамаск противостоял и в 2010-е годы. Вполне естественно, что противники хасана 2010-х годов описываются не как оппозиция, а как преступники, террористы и наймиты внешних сил.

После краткого исторического обзора шейх разъясняет, какое место хасана занимают в современной Сирии и вообще на Ближнем Востоке. Несмотря на глубокую модернизацию и то, что многие представители хасана давно переселились в города, получили высшее образование и зачастую интегрировались в политическую элиту страны, племенная идентичность, как подчеркивает шейх Наваф, не только сохраняется, но даже укрепляется в последние годы. Немаловажную роль в этом играет трансграничный характер расселения хасана, члены которого обитают не только в Сирии, но также в Турции, Ираке, Саудовской Аравии и т.д. Будучи лояльны своим правительствам, они в то же время поддерживают внутриплеменные контакты на личном уровне, что, между прочим, создает возможности для развития племенной дипломатии и (как шейх признает в ходе дальнейшей дискуссии) основу для нефор-

мальной племенной экономики. Трансграничный характер расселения хасана настолько важен, что шейх несколько раз возвращается к этому моменту в своем повествовании.

Наконец, он делится соображениями о том, какую роль племена играли в истории региона: именно они, по его представлению, связывавшие между собой Хиджаз и Левант, были изначальными носителями и защитниками «арабскости» ('уруба), сердцем которой, естественно, была Сирия. Здесь племенная версия истории не без элегантности смыкается с официальной баасистской идеологией, для которой идея 'урубы была и остается центральной, даже если и интерпретируется по-разному (Наумкин 2021, с. 54).

Развивая идею о центральной роли племен в истории страны, шейх утверждает, что они были не только источниками и хранителями идентичности, но и основой государственности, определяя политический облик региона с доисламских времен.

Таким образом, «патриотический» элемент, который представлен во втором рассказе, в повествовании шейха Навафа становится ключевым. Как отмечает К. Лэндж, подчеркивание патриотичности (ватанийи) племени вообще довольно типично для современных сирийских племенных нарративов (хотя раньше такой традиции и не было) – во всех исследованных ею рассказах говорится о противостоянии шейхов иностранным захватчикам (Lange 2006, p. 945).

Отмечая многочисленность племенного населения, его важную роль в сирийском обществе, вроде бы шейх Наваф следует той же логике противопоставления города и племени, что можно видеть в некоторых других арабских странах. Так, если в прибрежных районах Туниса племена хилалийцев, мигрировавших в Магриб в XI веке, до сих пор воспринимаются как варвары-разрушители, то в южных, где еще сохраняются некоторые следы племенной культуры, – как носители истинной арабской культуры. В обоих случаях происходит своеобразное «переворачивание» устоявшихся исторических представлений: не «современный» город подчиняет себе «отсталые» племена, а племена распространяют свое влияние на города, оставаясь одновременно хранителями «арабскости» и культурной идентичности общества.

Вместе с тем нарратив шейха Навафа принципиальным образом отличается от иных в том, что, утверждая значимость племен, шейх подчеркивает их позитивный вклад в развитие сирийской государственности. Племена не враждебны государству (как в Тунисе), не подчинены ему (как у Т. Шоеля) и не существуют в параллельной реальности (как у второго рассказчика), а служат ему опорой – не случайно они отстаивают сирийскую независимость от многочисленных внешних врагов на протяжении всей истории.

Формирование именно такого нарратива, по всей видимости, корреспондирует с изменениями в руководстве племени, которые произошли на фоне конфликта, когда саудовская ветвь во главе с 'Абд аль-Илахом поддержала оппозицию, шейх Мансур вынужден был уехать в Саудовскую Аравию, 'Абд аль-'Азиз умер, а единственным лидером сирийской ветви хасана стал его сын Наваф, демонстрировавший свою полную

верность Дамаску и сосредоточивший в своих руках все рычаги управления – помимо статуса шейха он получил место в парламенте и в 2012 году возглавил лояльную правительству партию «Хизб аш-ша'б», хотя и не прервал отношений с соплеменниками за границей.

Для полноты картины рассмотрим еще два эпизода, демонстрирующих специфику племенного нарратива в Сирии – в отличие от предыдущих, они относятся не к общей самопрезентации племен, а к конкретным событиям их истории.

Первый из них приводится в вышеупомянутой статье Т. Шоеля и был поведен исследователю шейхом Мансуром.

Дело было в 1979 году. Однажды сыновья тогдашнего шейха Тамира бин Трада – девятнадцатилетний Трад и семнадцатилетний Муваффах отправились в город и столкнулись на дороге с молодежью из близкого к хасана племени фава'ира. Разгорелся спор о том, кто кому должен уступить дорогу: сыновья шейха апеллировали к более высокому положению своего племени и к собственному статусу. Фава'ира не уступали. Спор перетек в ссору, которая закончилась убийством Трада.

Прибыв в больницу, шейх Тамир увидел, что здание окружено кордонами полиции, и понял, что его сын мертв. Тогда он вернулся в мадафа, однако и там наткнулся на полицейские отряды. Договорившись с полицией об отводе сил, он собрал приближенных на совещание, которое было прервано приездом губернатора Латакии. Этот близкий к Х. Асаду алавит состоял в дружеских отношениях с шейхом и, опасаясь акций мщения со стороны Тамира, приехал сделать ему предложение от имени президента: «Назови, кого из фава'ира ты хочешь видеть мертвым, и вечером их привезут к городским часам Хомса» (Schoel 2011).

Тамир был возмущен – во-первых, тем, что его собеседник полагал, будто шейх может подвергнуть опасности жителей Хомса, а во-вторых, тем, что ему предложили просто убить кого-то – ведь этого ему не позволяла богобоязненность.

Во время похорон Трада, чтобы не допустить столкновений, Тамир обратился ко всем жителям из мечети: «Я сын этого города и я один из вас. Я люблю Хомс и вас, жители Хомса...» (Schoel 2011).

Чтобы не допустить кровопролития, он предложил фава'ира прийти к нему и подтвердить лояльность, гарантировав им неприкосновенность. Тех же, кто прийти откажется, ожидала смерть.

Соплеменникам шейха его позиция не понравилась – они обвинили его в страхе перед правительством или фава'ира, однако он ответил, что боится одного лишь Аллаха. Почти все фава'ира откликнулись на призыв, и похороны прошли без происшествий – на них присутствовали все шейхи конфедерации 'аназа.

Ситуация вновь накалилась весной. Родственники убийц Трада, все еще опасаясь мести, отказались отгонять скот на земли хасана, как это было заведено, и предпочли остаться на собственном небольшом пастбище, располагавшемся между полицейским участком и военными казармами вблизи города. Тамир считал такое поведение оскорбительным, ведь оно свидетельствовало о недоверии к его благородству (карама). Договорившись с ливанскими друзьями, шейх получил

два автомобиля американского стрелкового оружия и отправил к фава'ира своего друга-христианина предупредить, что через неделю на рассвете хасана придут к ним мстить за убийство Трада. Те не поверили, и когда в начале мая 1979 года 50 автомобилей хасана приехали на стоянку фава'ира, то не встретили никакого сопротивления. Результатом нападения стало более 50 убитых и множество раненых со стороны фава'ира, в то время как потери хасана были совсем небольшими. Поскольку нападавшие были в масках, правительство могло идентифицировать только тех из них, кто оказался ранен. Чтобы избежать формирования опасного прецедента, было принято решение их примерно наказать. Тогда шейх Тамир обратился к своему другу – королю Саудовской Аравии Халиду бин 'Абд аль-'Азизу, и тот срочно направил делегацию к Хафезу Асаду. Заверив последнего в том, что использовавшееся хасана оружие было получено ими в подарок от саудовских братьев, саудовцы убедили президента простить племя и забыть об этом деле. Х. Асад, всецело поглощенный разгоревшейся тогда борьбой с «Братьями-мусульманами» (Пир-Будагова 2015, с. 233–249), счел за лучшее согласиться с доводами саудовцев и не вступать в конфликт еще и с ними (Schoel 2011, p. 97–102).

Последний рассказ совсем короткий – он непосредственно связан с событиями 2011 года, когда были арестованы подростки, нарисовавшие антиправительственные граффити в г. Дер'а. Сам эпизод с расправой над ними широко известен и приводится едва ли не в любом рассказе о начале сирийского конфликта. Однако среди племен распространен следующий апокриф относительно дальнейших событий, его приводит в своей статье Х. Духан (Dukhan 2014), и, судя по проведенным нами интервью, он в целом довольно известен. Документальных подтверждений ему, разумеется, нет, люди, лично знакомые с антагонистом этой истории, очень сомневаются в том, что он мог себя вести подобным образом. Однако в данном случае важна сама популярность рассказа среди племенного населения.

После ареста молодых людей в городское отделение политической безопасности пришла делегация племен, которую принял руководитель отделения (и родственник президента Асада) Атеф Наджиб. Пришедшие попросили его отпустить детей. Традиционным жестом они подняли головы, сняли повязки и положили их на стол, сказав, что возьмутся за них снова, когда вопрос будет решен. Поскольку повязка на голове служит символом мужественности и чести в племенных традициях, обращаясь с серьезной просьбой, бедуины снимают ее, демонстрируя тем самым свою приниженность и ожидая, что собеседник ответит им положительно. Однако вместо этого Наджиб взял со стола повязки старших племенных шейхов и выбросил их в мусорное ведро. Ответом на оскорбление стала первая демонстрация в Дер'а, организованная племенами аз-зуби и аль-масалмих. Это дало начало проведению «племенных пятниц» в знак признания участия сирийских племен в протестах против сирийского режима (Dukhan 2014, p. 7–8).

В двух последних эпизодах можно видеть те особенности племенного нарратива, которые не столь заметны при описании общей истории племен и касаются исторической роли индивидуумов.

Выводы

Если сравнить все приведенные повествования, то можно выделить некоторые их общие черты.

Во-первых, во всех них главными героями оказываются племенные шейхи. Им приписываются такие неизменные качества, как храбрость, благородство и патриотизм (ватанийя). Именно неверие в его благородство заставляет Тамира бин Трада наказать фава'ира, не считаясь при этом с возможными последствиями, а чувство патриотизма к родному городу заставляет его отказаться от мести обидчикам. В то же время в рассказе о Дер'ба хамству офицера противопоставляется благородство шейхов.

Во-вторых, все упоминаемые конфликты разворачиваются из-за чести. Одни молодые люди не уступают дорогу другим, и начинается стрельба, фава'ира не верят в благородство шейха Тамира, и это приводит к пяти десяткам жертв; наконец, восстание в Дер'ба начинается не из-за гибели молодых людей, но из-за оскорбления, нанесенного офицером госбезопасности племенным лидерам. Во всех случаях честь и демонстрация уважения оказываются важнее жизни отдельных людей. Характерно при этом, что рассказ о событиях в Дер'ба очень похож на южнотунисское повествование о восстании в Сиди-Бу-Зиде, начавшемся после самосожжения местного торговца фруктами Мухаммеда Буазизи 17 декабря 2010 года. Если в тунисском случае оскорбление, якобы нанесенное женщиной – офицером полиции торговцу, привело к самоубийству Буазизи и массовым протестам его соплеменников, то в Сирии, согласно рассказу, оскорбление шейхов со стороны офицера госбезопасности привело к восстанию. В тунисской истории роль родства вымышленная, сирийская же история апокрифична. Однако в обоих случаях важно само появление этих историй, благодаря которым событие вписывается в логику племенного нарратива. Импульс, давший начало массовым протестам, революции, вооруженному конфликту, получает вполне приемлемое с точки зрения племенного повествования объяснение, и таким образом такое объяснение получают и все последующие события.

В-третьих, отношения племен с окружающим миром – это всегда отношения доминирования / подчинения, немаловажную роль в которых неизменно играет страх. К. Лэндж отмечает при этом, что

господство, основная тема всех этих нарративов, неизменно реализуется за пределами племенной группы – там племя подчиняет себе соседей или сопротивляется колонизаторам. Неравенство, процессы доминирования и конфликты внутри племени исключаются из “официального” нарратива племенной истории (Lange 2006, p. 960).

При этом отношения доминирования развиваются по-разному. Если речь идет о взаимодействии между племенными группами, то дело неизменно сводится к тому, кто кем повелевает. Когда же говорится о взаимодействии племен и «своего» государства, племена признают власть последнего, если оно уважает их традиционные права. При этом племена готовы проявить свою верность государству в случае его столкновения с внешними врагами.

В-четвертых, отношение племен к государству амбивалентно. С одной стороны, последнее воспринимается как внешняя и в целом довлеющая сила. С другой – оно рассматривается как возможный партнер для диалога, а также как пространство отстаивания племенных интересов (обращение Тамира бин Трада к королю Саудовской Аравии) и как источник ресурсов (в данном случае – политических). Не случайно в рассказе о событиях 1979 года подчеркиваются связи племенных лидеров и с губернатором Латакии, и с Хафезом Асадом, и с саудовским королем.

Наконец, в-пятых, во всех рассказах можно наблюдать феномен персонификации власти. Любой конфликт между представителями племен – это всегда конфликт между племенами как таковыми, личное достоинство шейха – это и достоинство всего племени, и т.д. Такая же персонификация переносится и на государство, которое неизменно представляют конкретные люди, находящиеся в тех или иных личных отношениях с племенами.

Довольно очевиден эпический характер сирийского племенного нарратива – все рассказчики, обращаясь к истории племени, нанизывают в своем повествовании один эпизод за другим, и в каждом эпизоде племя побеждает своих врагов, подобно тому, как это рассказывается в классических арабских героических эпосах (например, в «Тагрибат Бани Хилаль» или в «Сире Антара бин Шаддада»)

Предлагаемые рассказчиками повествования о прошлом племен в общем лишены какой бы то ни было историчности, как лишен историчности эпос – обстоятельства места и времени носят в нем условный характер. Если в 2000-е годы в рассказах подчеркивалось позитивное отношение хасана к олицетворяемому французами Западу, их тесные отношения с саудовскими лидерами, то в 2021–2022 годах вся история племени сводится к борьбе с врагами за единство сирийской государственности. Структурно и функционально идентичные друг другу эпизоды нанизываются на нитку времени, отрицая какое бы то ни было развитие, однако усиливая друг друга и подчиняясь политической конъюнктуре.

Связующим тропом повествования здесь становится простая метонимия, позволяющая соотносить отдельных шейхов с их племенами, отдельных чиновников с государством, эпизоды сто-, двухсот- или трехсотлетней давности друг с другом и с современностью, племя с государством и т.д.

Результатом становится формирование специфического племенного нарратива, в котором известные политические события (вроде сирийского конфликта) «переводятся» на язык племен, обретают новую логику, которой и подчиняется поведение племенных лидеров. Кажущееся непоследовательным, иррациональным или оппортунистическим извне, оно может оказываться единственно возможным в рамках созданного нарратива.

Источники

- Аганин, А.Р. (2013), Племена, кланы и семейства Катара [Tribes, Clans and Families of Qatar]. Москва: Институт Ближнего Востока.
- Аганин, А.Р. (2018), Племена Сирийской пустыни и долины Евфрата [Tribes of the Syrian Desert and Euphrates Valley]. Москва: Институт Ближнего Востока.
- Кузнецов, В.А. (2020), “Концепция неомодерна: новые рамки политического бытия. Ближневосточный кейс” [Neo-Modernity: A New Framework for Political Reality. The Middle Eastern Case], Восточный курьер, № 3–4, с. 27–43. DOI: 10.18254/S268684310012374-9.
- Наумкин, В.В. (2021), “Современный конвергентный арабский национализм в зеркале исторической памяти” [Modern Convergent Arab Nationalism in the Mirror of Historic Memory], Полис. Политические исследования, № 6, с. 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.04>.
- Пир-Будагова, Э.П. (2015), История Сирии. XX век [History of Syria. 20th Century]. Москва: ИВ РАН.
- Bisson, V. (2012), “Tunisie post-Ben Ali: le réveil des solidarités tribales? Retour dans un Sud communautarisé en pleine transition” [The Awakening of Tribal Solidarity? Return to a Communitarian South in Transition], Maghreb-Machrek, No. 212, pp. 15–26.
- Chatty, D. (2010), “The Bedouin in Contemporary Syria: The Persistence of Tribal Authority and Control,” Middle East Journal, Vol. 64, No. 1, pp. 29–49.
- Dukhan, H. (2014), “Tribes and Tribalism in the Syrian Uprising,” Syria Studies, Vol. 6, No. 2, pp. 1–28.
- Hussain, A. (2018), “Analysis: Division Defines Syria's Tribes and Clans,” The New Humanitarian: Syria Deeply, January 16. URL: <https://deeply.thenewhumanitarian.org/syria/articles/2018/01/16/analysis-division-defines-syrias-tribes-and-clans> (accessed 24.01.2022).
- Kark, R., Frantzman, S.J. (2012), “Empire, State and the Bedouin of the Middle East, Past and Present: A Comparative Study of Land and Settlement Policies,” Middle Eastern Studies, Vol. 48, No. 4, pp. 487–510.
- Khoury, P.S. (1991), “Continuity and Change in Syrian Political Life: The Nineteenth and Twentieth Centuries,” The American Historical Review, Vol. 96, No. 5, pp. 1374–1395.
- Lange, K. (2006), “Heroic Faces, Disruptive Deeds: Remembering the Tribal Shaykh on the Syrian Euphrates,” Nomadic Societies in the Middle East and North Africa. Ed. D. Chatty. Leiden: E.J. Brill, pp. 940–965.
- Schoel, T. (2011), “The Hsana's Revenge: Syrian Tribes And Politics In Their Shaykh's Story,” Nomadic Peoples, Vol. 15, No. 1, pp. 96–113.
- Syria Urban Statistics. UN Habitat. 2014. URL: <https://unhabitat.org/syria-urban-statistics> (accessed 24.01.2022).

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-110-123

Tribal narrative in the Syrian political universe

Vasily A. Kuznetsov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Abstract: The following article deals with the problem of formation and functioning of tribal narratives in the political universe of Syria. The author shows how tribe narrative is structured in the form of epic narration within the framework of which different political events acquire a special logic and vested with new connotations. The tribe which comprehends political relations through the prism of this narrative, structures its communication with forces external relative to it, the state included, in a special way. The accomplished research is based both on open sources and on materials of the author's interviews with the representatives of Hsana tribe, which he took in summer and autumn 2021. The results of the research, as it seems, could be useful for studying the general problems of tribalism and relations of tribes and state in the Middle East.

Keywords: tribe, 'ashira, Hsana, Syria, Syrian conflict, political narrative

About the author: VASILY A. KUZNETSOV – PhD (History), Head of the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID 0000-0003-3646-4037. Address: 107031, Russia, Moscow, Rozhdestvenka st., 12. cais@ivran.ru.

References

- Aganin, A.R. (2013), Tribes, Clans and Families of Qatar [Plemena, klany i semeystva Katara]. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka. (In Russian)
- Aganin, A.R. (2018), Tribes of the Syrian Desert and Euphrates Valley [Plemena Sirijskoj pustyni i doliny Evfrata]. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka. (In Russian)
- Bisson, V. (2012), "Tunisiaafter Ben Ali: The Awakening of Tribal Solidarity? Return to a Communitarian South in Transition," *Maghreb-Machrek*, No. 212, pp. 15-26. (In French)
- Chatty, D. (2010), "The Bedouin in Contemporary Syria: The Persistence of Tribal Authority and Control," *Middle East Journal*, Vol. 64, No. 1, pp. 29-49.
- Dukhan, H. (2014), "Tribes and Tribalism in the Syrian Uprising," *Syria Studies*, Vol. 6, No. 2, pp. 1-28.
- Hussain, A. (2018), "Analysis: Division Defines Syria's Tribes and Clans," *The New Humanitarian: Syria Deeply*, January 16. URL: <https://deeply.thenewhumanitarian.org/syria/articles/2018/01/16/analysis-division-defines-syrias-tribes-and-clans> (accessed 24.01.2022).
- Kark, R., Frantzman, S.J. (2012), "Empire, State and the Bedouin of the Middle East, Past and Present: A Comparative Study of Land and Settlement Policies," *Middle Eastern Studies*, Vol. 48, No. 4, pp. 487-510.
- Khoury, P.S. (1991), "Continuity and Change in Syrian Political Life: The Nineteenth and Twentieth Centuries," *The American Historical Review*, Vol. 96, No. 5, pp. 1374-1395.
- Kuznetsov, V.A. (2020), "Neo-Modernity: A New Framework for Political Reality. The Middle Eastern Case [Konceptiya neomoderna: novye ramki politicheskogo bytiya. Blizhnevostochnyi keis]," *Oriental Courier*, No. 3-4, pp. 27-43. DOI: 10.18254/S268684310012374-9 (In Russian)
- Lange, K. (2006), "Heroic Faces, Disruptive Deeds: Remembering the Tribal Shaykh on the Syrian Euphrates," *Nomadic Societies in the Middle East and North Africa*. Ed. D. Chatty. Leiden: E.J. Brill, pp. 940-965.
- Naumkin, V.V. (2021), "Modern Convergent Arab Nationalism in the Mirror of Historic Memory [Sovremennyyi konvergentnyi arabskii nacionalizm v zerkale istoricheskoy pamyati]," *Polis. Political Studies*, No. 6, pp. 42-59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.04> (In Russian)
- Pir-Budagova, E.P. (2015), *History of Syria. 20th Century*. Moscow: IOS RAS, 2015. (In Russian)
- Schoel, T. (2011), "The Hsana's Revenge: Syrian Tribes And Politics In Their Shaykh's Story," *Nomadic Peoples*, Vol. 15, No. 1, pp. 96-113.
- Syria Urban Statistics. UN Habitat. 2014. URL: <https://unhabitat.org/syria-urban-statistics> (accessed 24.01.2022).